

П. В. Анненков

О мысли в произведениях изящной словесности

(Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т[олстого])

Русская эстетика и критика 40--50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. -- М.: Искусство, 1982.-- (История эстетики в памятниках и документах).

OCR Бычков М. Н.

Из всех форм повествования рассказ от собственного лица автора или от подставного лица, исправляющего его должность, предпочитается писателями большею частью в первые эпохи деятельности их -- в эпохи свежих впечатлений и сил. Несмотря на относительную бедность этой формы, она представляет ту выгоду, что поле для картины и канва для мысли по милости ее всегда заготовлены наперед и избавляют писателя от труда искать благонадежный повод к рассказу. С нее начал г. Тургенев и на ней еще стоит г. Л. Н. Т., два повествователя, весьма различные по качествам своим и по направлению, но сходные тем, что у обоих чувствуется присутствие мысли в рассказах и оба могут подать случай к соображениям о роли мысли вообще в изящной словесности.

Рассказ от собственного лица освобождает автора от многих условий повествования и значительно облегчает ему путь. С первых приемов писатель уже становится в положение человека, не слишком озабоченного достижением предположенной цели, что позволяет ему иногда резвиться перед своим читателем на просторе, а иногда даже кончить вояж на полдороге. При рассказе от собственного лица немаловажное удобство состоит еще и в том, что писатель сам себе назначает границы и может избавиться от необходимости сообщить предмету описания настоящий его объем, истинные его очертания. От каждого предмета он свободно берет только ту часть, которая или удачно освещена, или живописно выдалась вперед. Задача писателя, разумеется, наполовину облегчена всеми этими привилегиями, но и это еще не все. Писатель, рассказывающий от себя, есть вместе с тем и адвокат своего дела. Он искусно оправдывается перед читателем в своих недоговорах, и, если успел возбудить его симпатию, легко получает согласие даже на сделки с лицами и характерами, которые в строгом художественном повествовании никогда бы не могли явиться. Он вполне пользуется правом человека, состоящего налицо: с ним всегда поступают снисходительнее, чем с отсутствующим. Однако ж по закону равновесия, существующему везде, даже в отношениях между автором и чтецом его, выгоды, перечисленные нами, не даются даром. Выкуп за них весьма значителен и не всем бывает под силу. Если с одной стороны ослабевают требования и взыскания критики, то они делаются строже и придирчивее с другой. И, во-первых, рассказчик обязан выразить личное мнение свое о каждом предмете, встречающемся на пути его, чего никогда не требуется от правильного повествования, где только важно общее впечатление; затем примеры и наблюдения его должны отличаться самостоятельностью, зоркостью и умом в степени, какой другого рода произведения не обязаны достигать; наконец, по участию живой личности автора во всех, так сказать, обстоятельствах повествования, она сама должна обладать качествами, способными остановить внимание читателя... Только на этих условиях предоставляется право рассказчику свободно отдаться течению и даже капризу своей мысли и своего вдохновения. Случалось, и, вероятно, еще много раз будет случаться, что писатели, прельщенные выгодами формы личного повествования, принимались за нее, не взвесив предварительно важности условий, с ней сопряженных. Последствия известны. Кто не знает, что рассказы наиболее вялые, ничтожные и пошло-притязательные, как в нашей так и в других литературах, обыкновенно начинаются с "Я..."

Нельзя сказать, чтоб г. Тургенев в прежних своих рассказах не знал выгод избранной им формы или не вполне воспользовался ими. Скорее можно сказать наоборот, что он извлек из нее все, что она могла дать, и это поставило мы в немаловажную заслугу автору. Правда, тут являются и неизбежные погрешности рода. В некоторых, впрочем немногих, местах встречается у него довольство, так сказать, лицами своего воображения и при случае своим способом описания их. Отсюда излишнее накопление ярких подробностей, наваленных грудками на одно лицо или на один предмет, и отсюда иногда щегольство фразой, тщательно выставляемой вперед, напоказ. Вообще стремление к *выразительности* составляет отличный характер первых произведений нашего автора. Мы хорошо знаем, что публика обязана этому теми блистательными картинами, которые у всех в памяти; но мы знаем также, что оно же породило несколько частностей, конечно, не в большом числе, где ясно видны следы *переработки*, если